

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

| К вопросу о перспективе и возможности / On the Issue of Possibility and Prospect |

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

*Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
Кафедра философии, профессор, доктор философских наук**Saratov State Academy of Law, Russia
Department of Philosophy, Professor, Doctor of Science (in Philosophy)
kostina1965@yandex.ru***К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ И ВОЗМОЖНОСТИ**

В статье раскрывается бытие как пространство целей, где возможность и перспектива определяют состав и качество вопрошания о человеке. Подобная стратегия трансцендентного противополжна логике утилитаристского обрезания культуры под конкретные задачи. Это составляет фундамент для раскрытия ценностного содержания культуры.

Ключевые слова: бытие, возможность, перспектива, смерть, ценность.

**ON THE ISSUE OF POSSIBILITY
AND PROSPECT**

Being as the space of objectives where lity and prospect determine composition and quality of inquiring of a human being is presented in the article. Such strategy of transcendent is antithetic to the logic of utilitarian trimming of culture for definite problems. This is the basis for the revealing of the value content of culture.

Key words: being, possibility, prospect, death, value.

21

Современность демонстрирует различные позиции утилитаризма, которые отличаются созданием усеченных контекстов, когда содержание как бы «обрезается» под меняющиеся актуальные состояния. Приобретенные мобильность и динамичность в реагировании на возникающую ситуацию оборачиваются потерей общей смысловой перспективы. В культуре всегда формировались альтернативные утилитаризму логики, которые культивировали не частные сообразности, а пространства измерения конечных целей.

Название статьи в можно объяснить тем, что перспектива здесь понимается как трансценденция, «вперед себя жизнь», которая сказывается на ее качественном вопрошании и самостоянии. А возможность – как кардинальный поворот бытия к неклассической версии человека. Возможность и перспектива – два важных конструкта «вперед

себя бытия», где смертность человека является организующим началом.

Смерть возникает как конститутивный момент самого бытия. Бытие находится между его окончательной завершенностью (предел) и тем становлением, которое характеризует нас как бытие, не обладающее собственной полнотой, но всегда имеющее ее в виду. Смысл нас как смертных существ и состоит в этой устремленности к тому, что мы еще не есть, в движении к этому горизонту. «Смысл его собственного бытия состоит как раз в том, чтобы всегда иметь впереди себя такое, что оно еще не есть, что еще отсутствует»¹. Эта растяжимость между настоящим и будущим и определяет нас как живущих в постоянной невозможности вместить целостность. Смерть, с одной стороны,

¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С.324.

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

| К вопросу о перспективе и возможности / On the Issue of Possibility and Prospect |

завершает нас, превращает нас в иное. С другой стороны, является той неопределенной возможностью, которая делает жизнь осмысленной, ведь лишение этого измерения нивелирует уникальное бытие человека, переводит его в пространство другой истории. Собственно, это и есть жизнь духа. Его беспокойство, забота и его размерность как бытие «между». Смерть фиксирует эту первичную возможность бытия, удерживая заранее конституирующую целостность в себе. Отсюда, собственно, все смыслы трансцендентного, которые позволяют выстроить архитектуру человеческого бытия, ориентируясь не на данное, а на заданное, на символические пространства культуры. Главным здесь является онтологическая *возможность*, которая равноисходна бытию к смерти.

Не случайно, что все античные духовные упражнения были связаны с попытками включить смерть в качественное вопрошание о жизни. Разбирая миф о пещере Платона, Хайдеггер указывает на ту особенность перемены зрения человека, которая выводит вещи, виденные им в пещере, в светносную перспективу идеи. Такое знание и есть бытие к смерти, потому что полная ясность того, что он видел в другом месте, представляется несоместимой с жизнью в пещере. Жизнь в пещере располагает различными привязками и остовами. Жизнь вне пещеры – это безмерная мерность, она располагает силой внимания и склоненности к самому существу как таковому. Человека, который поведал об ином мире, скорее всего, убьют, поскольку в мире утилитарном, заточенном под определенные задачи и цели, нет места перспективе, есть только ближайшие вещи, которые не дают знания целого, они вырезают кусочки действительности, которые невозможно сложить вместе.

Собственно, эту жизнь под знаком *целостности* и демонстрирует Сократ, который как раз печется о своей порядочности и о счастье других, не позволяя себе участвовать в заговорах, восстаниях и тому подобных вещах. Его задача пробудить интерес к себе, стать для самого себя проблемой. Побуждая собеседника к такому исследованию, задавая вопросы, Сократ заставляет признать

их собственное невежество. Тогда все привычные системы отчета уже не действуют, поэтому нужно заново ориентироваться в бытии, а сбитые с толку собеседники Сократа идут, «не помня себя от горя». Такой поворот (конверсия П. Адо) или обращение вспять необходимо, он показывает, что за смертью стоит рождение, за близким и привычным – далекое и нездешнее, за небытием – переход к бытию, который связан в платоновской парадигме с творческими состояниями духа. Сократ ставит жизнь собеседников под вопрос, он учит, как следовать духовному призыву к бытию, поскольку собранный (в греческом смысле этого слова) человек – это человек идейный, цельный, целостный, не следующий сумме случайных обстоятельств, но идущий бесстрашно вперед, повинувшись только идее блага и пекущийся исключительно о *чистоте* происхождения этого пути.

Озабоченность своим бытием, бытие впереди себя, это и есть забота как глубинное основание человеческого бытия. Такой несчастнейший (С. Кьеркегор) никогда не может остановиться в своем действии, поскольку собственным его основанием является любовь. Бесконечность этого отношения многократно подчеркивается платоновской традицией, когда любовь всегда выше ее объекта. Таким образом, любовь в этой перспективе, – это не эквивалентный обмен благами, а всегда асимметричное отношение, связанное с тем, что это одновременно и цель, и основание. Такие вещи требуют особой чистоты и возрастания, вот почему рядом с ними опасно и беспокойно, как с Сократом, который может показать головокружительные бездны обычной жизни. Его любовь – это любовь-желание, которой и является философия, находящаяся посередине между всезнанием и невежеством. Это возможность жизни, ставшая страстным призывом к духовной бодрости и благу. Вот почему ее продолжение мыслится в рамках этой традиции как выздоровление, избавление от нравственной порчи, даже если это смерть, поскольку она вмещает в себя немислимую полноту времен и существования (никого нельзя назвать счастливым прежде смерти). Здесь можно указать на смертель-

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

| К вопросу о перспективе и возможности / On the Issue of Possibility and Prospect |

ное основание любви и любовно-внимательное обстояние смерти, которые всегда требуют особых процедур и смен ракурсов восприятия («Не шумите, мужи афиняне...») и «...люди особенно бывают способны пророчествовать – когда им предстоит умереть...»). Возвращаясь к узнику, который, вероятно, будет убит своими товарищами за попытку рассказать о прекрасном мире блага за пределами пещеры, мы возвращаемся к Сократу, который был живым проводником между миром здешним и нездешним, философом, видящим мир в перспективе идеи блага. Собственно, этим он собирался заниматься и в ином мире, меняя других к лучшему.

Таким образом, забота как принцип устройства целостности, дает характеристики предельной возможности бытия к смерти, где смерть есть часть жизни, ее экзистенциальное наполнение, стягивающая все времена к их полноте, все сущее к точке самостояния. Когда телос, целое мира присутствует, мы можем ориентироваться в мире, благодаря нашему бытию «впереди себя», которое формирует почву настоящего и подготавливает прошлое в непрерывном потоке внутреннего самоопределения. Но именно наличие этой предельной возможности раскрывает мир со стороны целостности, ценности, горизонта. Здесь место регулятивному действию кантовской идеи, которая нас связывает с миром нравственности. Рассудку недостает, по Канту, цели, такого движущего стимула, который бы помог ориентироваться в мире. Разум есть возведение в степень синтетического единства всех онтологических условий. Такой перспективизм предполагает ориентированность не на конкретные задачи, но на *цели*, поскольку они всегда ориентируют человека в более широких контекстах, задают те неясность и неопределенность, которые и являются признаками символического конструкта. Неясность, которую Ницше называл перспективой сознания, можно соединить с *энетелехией* – как неким ориентиром на эту невозможную завершенность.

Утилитаризм в этом смысле, исключая перспективу, ориентируется на случайные обстоятельства и, следовательно, стоит перед угрозой просчета. Как бы точно не рассчитывал, ты

все равно проиграешь, потому что ты действуешь всегда с оглядкой на частности, не можешь отдаться всему делу целиком. Измерение актуальной бесконечности, если говорить словами П. Флоренского, необходимо для движения вперед, поскольку культура постигается не снизу вверх, а сверху вниз. Для него правильно организованный космос всегда имеет идеальную цель, которая не подменяется хаотическим возрастанием содержания мира. Эта цель и осуществляет, онтологическое размыкание человека навстречу Богу. Символ бесконечного – вот что задает эту перспективу, движение в эмпирическом мире, в котором проявляется нездешнее начало. Непонимающие перспективы имеют план, по Флоренскому, то есть абрис, контур, но не сущность. Напомним, что философия понималась как упражнение в смерти. Мудрецы помещали себя в измерение всего космоса-мира, цельность и полнота которого не вычерпываются отдельными представлениями. Это целокупность мира, переживаемая конкретным субъектом. В этом измерении подлинное существование есть ясное предвосхищение смерти².

Без этой перспективы, культура невозможна, трансценденция есть способ вывода ее содержания в некое другое место. Например, в греческой традиции – это небо. Положительное значение неба (учитывая сложный, амбивалентный характер мифологических образов) фиксируется О. М. Фрейденберг по материалам античной культуры: *divum*–небо, *diva*–богиня, *dius/divus*–Бог, *dis/dives*–богатый. «Высокое и низкое» по Фрейденберг, – образы космические, такие как земля, которая соответствуют низкому, холоду, преисподней, зиме; высокое, отвечающее теплу, жизни, высшему небу. Небо-добро – будущее утверждение, свет, праведность, веселость. Высокие вещи, олицетворяющие небо, – пьедесталы, кутурны, столбы, арки, столы, возвышения, длинные одежды – это все небо в момент

² Адо П. Духовные упражнения и античная философия. Челябинск, 2010. С.263.

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

| К вопросу о перспективе и возможности / On the Issue of Possibility and Prospect |

умирания, а низкие вещи и короткие одежды – небо в момент оживания. Круговую перспективу неба дает по греческим источникам А. Ф. Лосев. В греческом космосе небо (ouganos) – мальчик, который охватывает кругом землю, море и все, что на земле и в море, будучи границей (ougos) всего. Небо связано со смыслами охранения всего существующего, откуда происходят слова привратник (thygoros), внимательная забота (polyorein), смотреть вверх (horasthai)³. Это означает всеведение, полновластие, творчество, небесную сакральность. В рамках платоновской философии все есть эквивалент неба. Оно не только объемлет сущее, но и включает его в себя. Душа неба – это душа универсума, предельная духовность. С. Аверинцев приводит пример любовного двустушия Платона: «ты вперяешься в звезды, мой Астер; о если бы я стал – Небо, дабы взирать на тебя многими очами»⁴. Созерцатель как небесная сфера видит предмет своей любви весь, в несоединимых ракурсах, многими очами. Небо представляет перенапряженную структуру небесного видения и покровительства.

Следует отметить еще один важный онтологический момент темы – это возможность. Действительность в предшествующей традиции главенствовала над возможностью. Это связано с типичными субстанциальными порядками культуры. С господством сущностного дискурса, с пониманием того, что жизнь дается и фиксируется в понятии. С той классической культурой, которая понимала под определенностью развитую, прежде всего, понятийную реальность. С пониманием того, что мир есть устойчивая структура с впаянными в нее ценностями и идеалами и человеком, находящимся на определенной ступеньке этого бытия. Последующая неклассическая философия будет рассматривать бытие с точки зрения возможности, а не действительности. В методологическом ракур-

се модели современной социальной реальности обращены к индивиду⁵. Это экзистующий индивид, который не может внешним образом относиться к своему бытию. Возможность дана как опыт переживания, как экзистующий момент бытия к смерти. Это внутреннее отношение, которое незаместимо абстрактными представлениями (смерть всегда моя). Бытие не зафиксировано, оно мерцает, модусно и представляет собой род истолкования, косвенного сообщения, возможности в смысле С. Кьеркегора. Не случайно обращение в этой связи к поэзии как искусству возможного, а не к истории в смысле аристотелевского разделения. Подобное описывается мягкой рефлексией эстетического опыта, который является и способом описания, и способом существования. Еще античность понимала искусство как ценность самодовлеющего любовно-созерцательного отношения к действительности.

Представляется, что затронутая тема глубоко раскрывается в фильме отечественного режиссера А. Звягинцева «Возвращение». В пространстве скупого эстетического жеста режиссер, по собственному признанию, воссоздает вертикальный ряд, без которого немислимы энергия и смыслы культуры. Обращение к смерти, которая останавливает ход времени, и к которой необходимо вернуться, задает ту перспективу построения пространства, которая втягивает человека в многомерность истории, человека, культуры. Мы приобретаем только то, что потеряли. Смерть как урок, как то, что возвращает миру его утерянное понимание и меняет его масштаб рассмотрения. Отец в метафизическом смысле – это то, что приобретается после смерти. Смерть является созидательным началом, иная логика возвращения с большой буквы невозможна. Важно, что в первых сценах фильма спящий отец воспроизводит изображение А. Мантеньи «Мертвый Христос», где показано окаменевшее тело Христа в очень сложном ракурсе. Знаки этого дви-

³ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С.755.

⁴ Аверинцев С.С. Неоплатонизм перед лицом платоновой критики мифопоэтического мышления // Платон и его эпоха. М., 1979. С.93.

⁵ Гусева И.И. В поисках социальной структуры: смена методологических ориентиров // Вестник Саратов. гос.-социально-экономич. ун-та. №4 (58). 2015. С.130.

Ольга Викторовна КОСТИНА / Olga KOSTINA

| К вопросу о перспективе и возможности / On the Issue of Possibility and Prospect |

жения расставлены точно и не теряются в повседневности, а прочитываются в фильме сквозь обычные предметы. Время после этого События жертвоприношения идет вспять, что фиксируется в конце фильма серией снимков, возвращающих прошлое, замыкающих жизнь в целостный космический круг. Художественный образ в этом смысле выявляет трагическое событие, показывая возможные ракурсы его видения, задавая сетку наших переживаний и чувств, создавая необходимые для жизни духовные пространства. Среди чувственной

материи оформленной и неоформленной возникают такие места, которые стягивают на себя всю боль и состояние болезненной точки разрыва мира.

Указанные состояния имеют отношение к предельным, пороговым пространствам культуры. Смерть есть строгость абсолютного состояния, когда спадают повседневные покровы, и человек предстает так, как он никогда не понимался в обыденной действительности, осуществляя последнюю «сборку» самого себя (друзей, обстоятельств, самости).

